

ЛОРА ФРИДМАН
УИЛЬЯМС



[Свободная]

Свободный, -ая. Располагающий собой
по собственному усмотрению.

ЗНАКОМСТВО, СВИДАНИЯ, СЕКС
И НОВАЯ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ РАЗВОДА

18+

МИ∞

МИФ Психология

Лора Фридман Уильямс

**Свободная. Знакомство, свидания,
секс и новая жизнь после развода**

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 176
ББК 60.561.54

Уильямс Л.

Свободная. Знакомство, свидания, секс и новая жизнь
после развода / Л. Уильямс — «Манн, Иванов и Фербер»,
2021 — (МИФ Психология)

ISBN 978-5-00-195592-4

Откровенные, нежные и местами шокирующие мемуары, которые помогут узнать больше о сексе и женской сексуальности. Вы посвятили большую часть жизни другим, старались быть идеальной матерью и примерной женой. Но кто вы – истинная? Автор, мама троих детей и примерная домохозяйка, расстается с мужем после 22 лет брака, узнав о его измене. После расставания ей приходится самостоятельно искать новый, собственный путь в жизни, заново узнавать себя и раскрывать свою женственность и сексуальность. Эта книга – размышления о роли женщин в современном мире, которая не должна сводиться к тому, чтобы быть женой и матерью. О том, как собрать себя после потрясения и начать жить заново. О свободе быть собой и пробуждать в себе те части личности, которые были спрятаны глубоко внутри. Лора Фридман Уильямс уверена: каждая из нас – больше чем мать, больше чем жена или партнерша, поэтому этап жизни после развода или разрыва отношений лишь открывает новые возможности для возвращения к себе и поиска своего пути. Искренние и чувственные слова Лоры зажгут ваше потаенное «Я» и вдохновят жить для себя и по-своему. Для кого эта книга Для всех, кто любит вдохновляющие истории. Для поклонников сериала «Секс в Большом городе». От автора Я хотела написать прямую, правдивую историю – жесткую, когда это необходимо, но в основном забавную. Однако мои мемуары вышли совсем не такими. Авантюры одинокой матери средних лет, которая открыла заново свою сексуальность, – не единственная сюжетная линия моей книги. Более глубокая история повествует о том, как я пришла к осознанию, что стала самодостаточной, двигаясь дальше, что внутри меня всегда находилась женщина, стремящаяся жить на своих условиях. Сейчас я разведена, мне 51 год, и я жажду построить карьеру. На русском языке публикуется впервые.

УДК 176
ББК 60.561.54

ISBN 978-5-00-195592-4

© Уильямс Л., 2021
© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Вступление	7
Глава 1. Как все начиналось	11
Глава 2. Это уже слишком?	15
Глава 3. В поисках мужчины, повсюду	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лора Фридман Уильямс

Свободная. Знакомство, свидания, секс и новая жизнь после развода

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Laura Friedman Williams, 2021

This edition published by arrangement with DeFiore & Company Literary Management Inc. through Andrew Nurnberg Literary Agency.

Jacket design by Claire Ward © HarperCollinsPublishers Ltd 2021

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Вступление

В феврале 2018 года я узнала, что у моего мужа роман с другой. После двадцати семи лет отношений я была убеждена, что мы встретим старость вместе. Представляла, как будем соревноваться, кто первый подержит на руках наших внуков, когда их к нам привезут, как будем вместе читать «Санди таймс», передавая друг другу очки – одни на двоих. У меня и в мыслях не было, что наш брак может оказаться невечным, а подозрений в измене, даже мимолетных, тем более не возникало. Мы любили друг друга искренне и глубоко, и склонность мужа вести себя как рассеянный профессор, казалось, исключала любую возможность неверности с его стороны.

Мы начали встречаться совсем молодыми. Мне только-только исполнилось двадцать, ему через несколько недель после знакомства стукнул двадцать один год. Я еще почти ничего не знала о сексе и свиданиях. Летом перед выпускным классом я и моя лучшая подруга отчаянно старались лишиться девственности. Мне это удалось через несколько недель после нее – на клетчатом раскладном диване в подвале родительского домика в пригороде Нью-Йорка. Я хотела непременно выяснить, что же привлекательного в этом сексе. Почему некоторые знакомые девчонки расхаживают с таким искушенным видом? Парня звали Роб. Он приехал домой на каникулы из художественного колледжа и подрядился водить желтый школьный автобус для лагеря, где я работала вожатой. На мое семнадцатилетие мы отправились в японский ресторан с хибати¹. К моменту, когда шеф-повар заканчивал подбрасывать жареные креветки, которые мне предстояло поймать на тарелку, я уже понимала: Роб – тот, кому достанется моя девственность.

Первые несколько раз секс был болезненным и, откровенно говоря, неловким. Странное чувство: в один миг нас охватывала неопишуемая страсть, а потом Роб кончал, и наши тела прямо-таки сдувались. Может, нужно было как ни в чем не бывало продолжать беседу, будто ничего волшебного и одновременно ужасного не произошло? Обычно довольные, что нас не поймали мои родители, мы впопыхах натягивали одежду, приглаживали волосы – всклокоченные, точно начесы в стиле восьмидесятых, – и расходились.

Вернувшись в город на осенний семестр, Роб снял квартиру – именно здесь я научилась получать от секса удовольствие и не дергаться, что внезапно нагрянут недовольные родители. Мы проводили выходные, кувыряясь в его узкой развороченной постели и выбираясь из нее с затуманенными взглядами, только чтобы забрать доставку с китайской едой. Наша возня была поспешной, но веселой. Я научилась быстро кончать, чтобы не изнывать, если Роб меня опередит. Этот трюк я проделывала на раз-два и долго считала, что так могут все, – пока из книг и от друзей не узнала, что это не врожденная способность.

В следующем году я уехала на Средний Запад учиться в университете и несколько месяцев спустя рассталась с Робом. Мне не потребовалось много времени, чтобы завязать отношения с Джулианом – он жил в мужском общежитии. Полутораспальная кровать, относительно простор и уединенность комнаты – просто наслаждение, если не считать затхлого пивного душка от постельного белья и парней из студенческого братства, блевавших после ночной вечеринки в туалете напротив.

Через два года мы разбежались, и я, не теряя времени, начала встречаться с Майклом, моим бывшим соседом. У меня никогда не было на него романтических планов, но после ямайского ресторана, в белом «вольво», да еще и под кассету Джеймса Тейлора² он предстал передо мной в новом свете. Майкл поцеловал меня и признался, что времени на девушку у него тол-

¹ Хибати (хибачи) – традиционная японская жаровня. *Прим. ред.*

² Американский фолк-музыкант 1970-х.

ком нет – то теннис, то учеба на архитектурном. Я ответила, что ценю свою независимость и много времени не отниму. Дни мы проводили порознь, но как только подходило время сна, я просто пересекала лужайку, разделяющую наши квартиры в кампусе, и ночевала у него. Сосед Майкла уехал в Лондон на целый семестр. К возвращению парня мы успели сломать его деревянную кровать, на которой каждую ночь беспробудно предавались буйному сексу.

Брак, трое детей, первый поцелуй в его «вольво» – и вот через двадцать семь лет он влюбляется в другую. Узнав об этом, я несколько месяцев только и делала, что пыталась соскрести себя с пола и заниматься детьми, преодолевая их и свои страдания. Гнетущая зима обернулась шумной весной, а та – пышным благоухающим летом. Я почти забыла, каково это – быть дико уверенной в себе, с легкостью смеяться, заботиться о внешности, испытывать удовлетворение и даже радость. Но хотела все вернуть и начала активно выяснять, как это сделать.

Последующие свидания и сексуальный опыт придавали мне сил, кружили голову, волновали и были очень человечными. К среднему возрасту большинство из нас проходит длинный извилистый путь – неудачные отношения, переоценка жизненных целей, разбитые сердца, разлуки, любовь, надежда и одиночества. Все это я видела в себе и в мужчинах, с которыми встречалась. У меня случался секс, от которого я впадала в эйфорию, и секс, от которого чувствовала себя грязной. Секс, который помог раскрыть чувственность, таившуюся во мне большую часть жизни, и секс, который заставил жаждать любви и близости. Секс, который получался неловким и неуклюжим, и секс, вспоминая о котором я поджимала пальцы ног от удовольствия.

Я откровенно рассказывала друзьям о свиданиях и сексе, обо всем без исключения – хорошо, плохо, злом³, – и мне вновь и вновь твердили, что это необычные истории и их нужно записывать. Но мне хотелось не писать о своем опыте, а проживать его. В любом случае я не считала, что в нем есть что-то особенное, чем стоит поделиться. Браки разваливаются постоянно, и люди с этим справляются. Вот и у меня все было старо как мир и банально до неприличия. Но друзья настаивали. Они уверяли, что мои истории – смешные, поучительные и даже вдохновляющие. У каждого были сестры или подруги, которые после развода замкнулись в себе, не хотели никуда выходить и чувствовали себя ущербными и нежеланными. Эти женщины не восприняли свой новообретенный статус с той же бодростью и яростью, как я. Друзья просили встретиться с их сестрами или подругами – подбодрить, объяснить, как я справляюсь, донести до них, что, казалось бы, невозможное – в их руках и вполне им по силам. Мой брат Мэттью, всегда бывший мне опорой и поддержкой, настаивал: для тебя это станет настоящим катарсисом, обещай хотя бы на пять минут садиться за компьютер, но ежедневно, даже если будешь просто смотреть в пустой экран.

Хотела бы я похвастаться, что тут же взяла быка за рога и начала уверенно плести слова о своих рандеву. На деле я, скорее, угрюмо плюхалась перед компьютером потому, что Мэттью меня достал. Выжимала из себя несколько корявых фраз, понятия не имея, как говорить на языке потери, любви и страсти, и пристально следила за часами, пока не истекали обязательные пять минут. Назавтра я повторяла процедуру, удаляя практически все написанное накануне. Постепенно, с каждым днем, неделей, месяцем, мой слог становился все более уверенным и гладким. Фактически я учила незнакомый язык, превращая паутину эмоций в письменную речь. Я старалась оставаться собой без прикрас, но в основном – шутить. У меня накопилось много смешных историй об испытаниях и муках свиданий, и я представляла себе легкую забавную книжицу из тех, что сама, с моим литературным снобизмом, не читаю.

Страниц становилось все больше, но выносить их за пределы узкого круга друзей я не собиралась. У меня были дети, родители и почти что бывший муж, с которым я изо всех сил пыталась мирно делить родительскую роль. Публично делиться своими сексуальными похождениями и самыми сокровенными мыслями? Ужас какой! Я знала, что за созданным мною

³ Намек на название вестерна Серджио Леоне «Хороший, плохой, злой» (The Good, the Bad and the Ugly). *Прим. ред.*

фасадом скрывается нечто совсем другое, и не понимала, кому это будет интересно и где взять смелость открыться миру. Одной из подруг я сказала, что подумываю бросить писать, но она убедила меня продолжить – хотя бы ради катарсиса.

Я неохотно согласилась. К тому времени я успела полюбить и возненавидеть процесс письма. Прокрастинировала так, будто хотела побить мировой рекорд. И все же меня очаровывало, какими осмысленными и значительными становились мои путаные и затаенные чувства, излитые в словах.

Что ж, я писала, друзья читали и подбадривали меня, и в конце концов книга оформилась. Совсем не такая, как я планировала, – не яркое повествование об одинокой женщине средних лет с тремя детьми, осознавшей свою сексуальную привлекательность. Это более глубокая история о моем открытии: под блаженно тихими водами супружества неистовствовала женщина, которая жаждала жить по своим правилам. Получился не просто сборник забавных рассказов о моих сексуальных похождениях (хотя их здесь хватает), а, скорее, рассказ о том, как от роли жены и матери я перешла к роли женщины с насыщенной и сложной личной жизнью.

Тем не менее, как и многие женщины, я жду одобрения, и не только от близких, но и от незнакомых людей. Следую правилам и угождаю другим. А эта, с позволения сказать, книга показала бы меня во всей красе. Обнажила бы желания, непозволительные для дам моего возраста, которым следует воспитывать детей и беречь репутацию. Вскрыла бы все недостатки моего брака, да и мои собственные. Стала бы вызывающим признанием: как же, я осмелилась позаботиться о себе, а не только о детях. И самое непристойное: всем, кто готов слышать, я объявила бы о своем сексуальном любопытстве и чуть ли не ненасытном желании. Нет, выставить себя напоказ так откровенно – это слишком. Это явно за рамками образа, который я так старательно создавала. Я позвонила той самой подруге, что уговаривала меня не бросать книгу и в итоге стала моим литературным агентом, и попросила ее ничего не делать с этим материалом. Я заморозила проект, над которым трудилась больше года.

В последующие дни я с удивлением обнаружила, что испытываемое разочарование сильнее ожидаемого облегчения. Написанные мною страницы еще искрились женской энергией, но я успешно ее подавляла. Однажды, вернувшись с дружеского ужина, я застала свою маму за чтением – в ту ночь она присматривала за детьми – и тут же во всем ей призналась: в свиданиях, сексе, неудачах, писательстве. Мы с мамой очень близки. Она сильная, состоявшаяся, страстно любящая женщина, но тема сексуальности всегда была для нас неловкой. Когда в мои девятнадцать она поинтересовалась, пользуюсь ли я диафрагмой или «чем-то таким», я уже несколько лет всю занималась сексом. Покраснев, я кивнула, и на том разговор о контрацепции и чувственной стороне жизни закончился. Сейчас мне было важно, чтобы она поняла: мое недавнее осознание своих сексуальных потребностей все еще вписывалось в «допустимые» рамки отношений между дочерью и матерью. Я ждала ее одобрения – не книги, а моего решения не писать. Ее безразличное отношение к теме секса должно было подтвердить верность моего решения.

Но моя мама непредсказуема. Со свойственным ей упорством она отказалась соответствовать моим ожиданиям. Я принялась объяснять, что боюсь опозорить ее этой книгой, но она, глядя на меня своими кристально ясными голубыми глазами, произнесла: «Что бы ты ни делала, я никогда не буду тебя стыдиться. Наоборот, всегда буду гордиться». На мою просьбу не читать многочисленные описания секса она согласилась: «Хорошо, не буду. Но если все же прочту, стану жалеть, что не перепробовала все, что попробовала ты». В ответ на мои переживания о том, что дети начнут меня стесняться, она сказала: «Твои дети выносливые, и даже если им станет стыдно, они поймут, что ты живешь по своим правилам, и от этого только станут сильнее». Она не позволила мне соскочить с крючка, не поддержала мое стремление снова спрятаться в коробке, из которой я только что выбралась.

Многие женщины придерживаются устоявшихся представлений о женственности и материнстве до такой степени, что это становится единственным смыслом их жизни. Желания молодости оказываются скрыты за аккуратной облицовкой, которая становится все толще и толще, пока эти самые желания не превращаются в смутные воспоминания о своем внутреннем мире, каким он был до замужества, до детей, до среднего возраста. Но это вовсе не обязательно, и я – живое тому доказательство. Если бы в годы замужества меня спросили, как стану жить, узнав, что муж влюбился в другую, я бы даже не подумала о свиданиях, безудержном сексе и пробуждении той части себя, что раньше казалась ненужной или нежеланной. А ведь именно это со мной и случилось. Пусть мне пообещают вернуть прежнюю жизнь – ни за что не соглашусь. Еще два года назад женщина, которая считала себя сломленной и потерявшей единственную любовь, пришла бы от такого заявления в ужас. Надеюсь, что каждая читательница найдет в себе ту самую, глубоко запрятанную, часть и даст ей шанс проявиться. Открывать дверь страшно, даже очень, но стоит отомкнуть замок, и вы удивитесь – не той, что туда войдет, а той, что из нее выйдет. Именно это и произошло в моей жизни влажной дождливой ночью в июле 2018 года.

Глава 1. Как все начиналось

Я как вкопанная стою у кровати в гостиничном номере и таращусь на закрытую дверь ванной: за ней – незнакомец, который вот-вот разделается с моим послебрачным целомудрием. Места себе не нахожу. Вспоминаю: на мне чудовищный лифчик без бретелек. Он отлично держит, но у него широкая спинка на четырех крючках. Элегантно его не снимешь, и я даже думать не хочу, какой старомодной эта сбруя покажется незнакомцу. Еще и пояс! Чтобы его расстегнуть, нужно слегка повернуть застежку посередине. Разбираясь с этим, мужчина выдохнется быстрее, чем доберется до лифчика. Тактический прием: проворно стягиваю с себя все, даже стринги, и складываю аккуратной стопкой на столе рядом с его мотоциклетным шлемом. Невежливо, но я волнуюсь, как бы не помять платье: оно из капризной тонкой ткани.

Он выходит из ванной – я все там же, где и несколько минут назад, правда, теперь совершенно голая. Не могу припомнить, чтобы хоть раз за свои сорок семь лет чувствовала себя настолько отделенной от собственного тела, настолько уверенной, что мне здесь не место. Еще не поздно отступить, схватить одежду – она на расстоянии вытянутой руки, – сесть в машину и вернуться к прежней жизни, знакомой мне десятилетия, – единственной жизни, о которой я до этого мечтала. Задерживаю дыхание. Он пристально смотрит на меня. В воздухе висит напряжение: мы оба ждем, кто сделает первый шаг теперь, когда я уже удивила его своей наготой.

«Напрыгивай, Лора», – наставляет голос в моей голове.

Я легко киваю. Другого пути – пути вперед – нет.

* * *

С расставания прошло пять месяцев – я выставила Майкла в сорок восемь часов, когда вскрылся его роман с женщиной на двадцать лет моложе меня. Он снял двушку в старом особняке, я осталась в просторной «навечно нашей» квартире, где мы всего пару месяцев назад, тоже навечно, закончили тщательный ремонт, продлившийся целый год. Шесть ночей в неделю все трое детей оставались со мной, а по субботам – только подростки, семилетняя дочь ночевала у Майкла. Старшие отказались с ним общаться, так что для них я внезапно стала матерью-одиночкой.

Мы с Майклом договорились: пока разбираемся, есть ли шанс примириться, нам можно – и нужно – ходить на свидания. Но вообще-то свидание было последним, что приходило мне на ум. Разбитое сердце, забота о маленькой дочке, не спускающие с тебя глаз два подростка (если считаете, что им плевать на родителей и они не ищут знаков примирения, вы явно не жили с двумя подростками). Свидания? Да не смешите меня.

Но уже июль 2018 года, и я понимаю, что все мои чувства, долгое время притупляемые мрачной и угнетающей зимой, наконец-то проснулись. Меня будоражат сладкие запахи и нежные звуки лета, ведь месяцы напролет я находилась в состоянии оцепенения. Хотя мне и не хочется нарушать наш едва устоявшийся летний распорядок, я все же забираю Джорджию из дневного лагеря, чтобы провести несколько дней с моей подругой Тиной и ее семьей в их доме на острове Нантакет. Тина настаивает: мне полезно немного побыть вдали от дома. А я уже просто устала придумывать новые отговорки. Хочется зарыться в свою печаль поглубже и ничего не делать, но друзья продолжают меня откапывать. Я люблю их за такое упорство, но лучше бы оставили меня в покое. Сколько раз по утрам я носилась из комнаты в комнату, пытаюсь бодрим «Доброе утро, солнышко!» поднять детей в школу, но наблюдала, как они, не разлепляя глаз, натягивают одеяла на голову. Я выпутывала их, сонных, из коконов, но они, не приходя в сознание, цеплялись за край одеяла, чтобы урвать еще несколько минут или хотя

бы секунд сна. Вот и со мной сейчас то же самое: друзья всё стягивают с меня одеяло, чтобы разбудить, а я хочу быть одна и спать, пока боль не пройдет.

Конечно, Тина права. Сменить обстановку, пить бодрящие крепкие коктейли, смотреть, как резвится на пляже Джорджия, – все это дает желанную передышку от страданий. Пусть я и не получаю удовольствия, но хотя бы иногда ощущаю покой. Уже который месяц и часу не проходит, чтобы я не рыдала. Эти крохи спокойствия дают мне слабую надежду, напоминая, какой я была раньше. Сейчас моя жизнь разделилась на «до» и «после»: «до» – счастливое замужество со всеми удобствами, проторенная дорожка, прямая и ровная. «После» – антиутопия, жалкие осколки вымечтанного сценария, который у меня отняли. Мне нужно обрести себя прежнюю – ту, что так легко и часто улыбалась, в чьей жизни было место целям, позитивному настрою и радости. Но без брака, стабильности и четкого направления мне не понять, откуда начать путь к себе (если та версия меня вообще существует).

Загорелые и в песке, мы возвращаемся на фермерский север штата Нью-Йорк, пережив качку на пароме и долгую дорогу из Нантакета. Майкл дома, готов взять на себя детей в течение нескольких дней. Я передаю ему Джорджию и запираюсь в моей – прежде *нашей* – спальне. Загородным домом мы по-прежнему пользуемся вместе, чтобы детям не приходилось постоянно мотаться туда-сюда. В хороший день это лишь неловкость, в плохой – буквально пощечина. Суббота, шесть часов вечера, и мне предстоит до ночи торчать у себя в комнате, избегая общения с Майклом. Я все еще не могу заставить себя посмотреть ему в глаза. Меня хватает только на то, чтобы переброситься парой спотыкливых слов, а взгляд постоянно отчаянно мечется в попытках задержаться на чем угодно, лишь бы не на Майкле.

Дом в двух часах езды от города. Здесь мы прятались от суеты и проводили время всей семьей. Именно здесь я узнала, что Майкл не только спит с моей знакомой, но и подумывает о разводе, чтобы остаться с ней. На протяжении многих лет мы не раз разговаривали об изменах, и я утверждала, что смогу понять и простить только разовый случайный секс, и ничего кроме. Поэтому его объяснение последних событий меня убило: Майкл не просто был физически близок с любовницей – он влюбился, а в процессе разлюбил меня и нашу совместную жизнь.

Правда, когда «и ничего кроме» стало реальным, держаться за него оказалось не так-то просто. Одно дело – смутное представление об измене, и совсем другое – неоспоримый факт. Наши жизни неразрывно связаны; у нас общие дети и друзья, два дома, стоматолог и семейный аккаунт «Нетфликс». Мы начали встречаться так рано, что он помнит мои подростковые прыщи, а я могу во всех деталях описать обстановку в его детской комнате – еще до того, как мачеха выбросила теннисные трофеи, постеры с Андре Агасси⁴ и устроила там кабинет. Я была рядом, когда сначала его отец, а затем и мать умирали от рака. Всего несколько лет назад я ухаживала за его мамой в ее последние месяцы. Именно мне пришлось сообщить ей, что состояние слишком тяжелое и лечиться бесполезно: Майклу просто не хватило духу. Он мой партнер, напарник по воспитанию детей, мой лучший друг, моя семья. Правда, только я считала понятие семьи ценным и незыблемым. Я ненавижу его за боль, которую он причинил мне и нашим детям, но полностью признать крушение брака не готова и не знаю, смогу ли остаться одна. Более тридцати лет у меня постоянно кто-то был: сначала бойфренды, потом муж. Не один, так другой, как будто перерыв стал бы фатальным. Доказательств обратного у меня нет, вероятно, я так воспитана: лучше хоть какой-то мужчина, чем совсем одна.

Майкл, в свою очередь, уверен, что наши отношения можно оживить, но для этого нужны радикальные изменения. Вопреки ожиданиям он не приполз ко мне на коленях, а злится, словно закрутил роман исключительно по моей вине и это я не хочу ему уступить и помириться. Он считает, что бомба замедленного действия тикала много лет, а раз я этого не заметила – значит, совсем его не понимаю. Похоже, на мне вся ответственность за нашу дальней-

⁴ Американский профессиональный теннисист. Прим. ред.

шую судьбу. Я ему нужна – только пересобранная, – но все-таки нужна. Но он говорит, что это я не хочу искать к нему подход. Порой у меня возникали стыдные мысли: лучше бы он не изменил, а умер. Тогда у меня и детей остались бы приятные воспоминания, а не это мучительное и сбивающее с толку осознание того, что наша совместная жизнь была не тем, чем казалась. Теперь же старшие отказываются видеться с отцом, а мне не удастся нащупать почву под ногами. Если бы он умер, наша совместная жизнь закончилась бы, но хотя бы не обернулась фальшивкой. Я застыла в ожидании: и с ним невыносимо, и без него никак.

Я забаррикадировалась в своей комнате загородного дома, один на один с нерешенным вопросом. Друзей рядом нет, социальная жизнь скудная – ведь по-настоящему мы никогда здесь не жили. Представляю себе вчерашний вечер на террасе у Тины: вот в свете заката мы потягиваем арбузную «Маргариту» среди темно-лиловых гортензий, вот она советует мне не прятать загар, надеть симпатичное платье без бретелек и с кем-нибудь пофлиртовать – старый добрый, ни к чему не обязывающий флирт, – чтобы встряхнуться и нащупать ту часть себя, что готова двигаться дальше. А я решительно протестую: я не готова, хочу побыть дома с детьми, да и вообще разучилась заигрывать с мужчинами. Взглянув на меня, любой сразу поймет: от некогда достойной кокетки осталась одна шелуха. Сейчас слова подружки эхом отдаются в моей голове: я и правда могу куда-нибудь пойти. Кто меня остановит? Разве что я сама да дверь комнаты. Неловко, конечно, но и сидеть тут тоже неловко. Только и делаю, что копаюсь в себе, чем дольше – тем глубже.

Надо мыслить стратегически: подыщу место, где играет какая-нибудь группа. Тогда не буду выглядеть глупо, сидя у бара в одиночку, и смогу отвлечься на музыку. Хватаю телефон, гуглю, и вскоре находится подходящая площадка, где выступает соул-певец. Билеты еще есть, правда, только в танцпартере. Если приду пораньше, может, и у барной стойки устроюсь. Поворотный момент: нерешительно заносу палец над кнопкой «купить билет» на сайте заведения. Несколько месяцев я занималась лишь тем, что вытаскивала себя из постели по утрам, ради детей натягивала робкую улыбку и тонула в слезах и ярости, о которой раньше и не подозревала. Саундтреком каждого дня была песня из «Приключений снеговика Фрости»⁵, под которую герой учился ходить: «Ножку за ножкой, и пойдешь немножко. Ножку за ножкой, и пойдешь немножко». Вот так, «ножка за ножкой», я провела целых пять месяцев. Но сейчас что-то незаметно меняется. Я вдруг понимаю, что есть дверь и в моих силах открыть ее, хотя бы чуть-чуть, и заглянуть на ту сторону. Нажимаю на кнопку и поспешно, пока не передумала, ввожу данные кредитки.

Принимаю душ, привожу в порядок давно забытые части тела и в порыве оптимизма натираю загорелую кожу ароматным розовым маслом, которое Тина привезла мне из Парижа. Кстати, вряд ли кто-то скажет наверняка, что дарить подружке, чей брак только что рухнул. Я страшно благодарна и в то же время сочувствую моим друзьям, которые просто завалили меня поддерживающими, по их мнению, вещами. Дорогие травяные чаи с названиями вроде «Покой» или «Безмятежность», целебная соль для ванны, скрабы, ароматические свечи, изящный золотой браслет с надписью «Все получится», синий фарфоровый слоник, который переходил от подружки к подружке в тяжелые времена, банки с недавно закатанными помидорами, пачка моих любимых желтых маршмеллоу «Истер Пипс» и, конечно же, самое необходимое – вибратор. Итак, я на ощупь выуживаю черные кружевные стринги из дальнего угла ящика с бельем, натягиваю темно-синее платье без бретелек, с плетеным бисерным поясом и, сунув ноги в сабо на деревянных каблуках, вылетаю из комнаты. С волос капает – неважно, надо скорей ехать, пока Майкл и Джорджия не вернулись с велосипедной прогулки и не заинтересовались, куда это я собралась.

⁵ Frosty the Snowman – музыкальный мультфильм 1969 года. Прим. ред.

Когда выруливаю к шоссе, в стекло ударяет крупный дождь. Сердце падает: придется колесить в поисках Майкла и Джорджии, ведь они на велосипедах, и отвозить их домой, но тогда сбежать будет непросто. Впервые за восемнадцать лет материнства я выбираю себя: ну да, Джорджия промокнет, ничего страшного – и, пока у меня есть запал, съезжаю на длинную проселочную дорогу.

Глава 2. Это уже слишком?

Я сворачиваю в переулок, где находится бар. Туда уже стекаются пары. Не так я это себе представляла: все по двое, и в основном седые. Морщусь: ну я и дилетантка. Надо же было придумать – ринуться в город на поиски холостяка, который сразит меня наповал. Если только не ишу семидесятилетнего старика, которому внезапно захочется секса втроем, я явно не по адресу.

Но я же так собиралась, так предвкушала коктейль. Да и не могу я вернуться домой прямо сейчас – разодетая и благоухающая так, будто надеюсь быть съеденной. Поэтому паркуюсь и неохотно захожу в бар, сама по себе. Чувствую себя одинокой дурочкой. «Я женщина, услышь мой рев» – это вряд ли, скорее: «Я недавно разведенная робкая женщина, услышь мой шепот». Усаживаюсь между двумя пустыми стульями у барной стойки, заказываю «Маргариту». Чтобы меня расслышать, бармену приходится наклониться поближе. Залпом осушаю бокал. «У меня все получится, – уговариваю себя. – Всего бокальчик. Поглазею на людей и уйду». Юная барменша с хвостиками рассказывает старшему седобородому коллеге о визите к родителям, с которыми хотела познакомить своего парня. Две женщины в углу обсуждают стратегии органического садоводства, я отвожу от них взгляд, только когда до меня доходит, что киваю им в такт. Столики перед барной стойкой заполняются людьми. А вдруг сюда придут мои родители? Они живут неподалеку, и здешняя публика вполне им под стать. Помню, еще студенткой я чувствовала себя в барах неуютно, вместо того чтобы наслаждаться, – слишком шумно, слишком бестолково. Куда лучше собраться в тесной квартирке, где можно общаться, не надрывая голос, и потягивать персиковое вино в комнате, где не пахнет дешевым пивом.

В бар вваливается шумная компания и занимает места слева от меня. Мой радар наготове. Ко мне спиной садится мужчина, высокий, мускулистый, с копной темных волос. Я небрежно подаюсь вперед, чтобы проверить его безымянный палец. Ничего себе: кольца нет. Похоже, в компании одни родственники. Наверняка скоро заявится его девушка, и тогда я смогу опустить приподнятые от удивления брови и по-прежнему упиваться жалостью к себе. Нетерпеливо жду еще несколько минут, внимательно следя за динамикой в группе. Девушка не приходит, и я шумно отодвигаюсь вместе со стулом, спрыгиваю и демонстративно оттаскиваю его в сторону, чтобы привлечь внимание мужчины. Срабатывает.

– О, привет, извини, – говорит он, обращая ко мне свои теплые карие глаза. – Не хотел тебя теснить.

– Нет-нет, – отвечаю с улыбкой. – Просто заметила, что справа от меня целое футбольное поле, а ты с большой компанией жмешься в тесноте. Вот я и подвинулась, чтобы освободить тебе место.

И все.

Понятно, раньше я не знала, зато теперь уяснила: двигать стул, чтобы обратить на себя чье-то внимание, – дохлый номер. Мужчина отворачивается, и я снова одна, дрейфую в открытом море, справа и слева – сплошная пустота. Вот уж не думала, что можно быть одновременно заметной и невидимой. Зажмуриваюсь, словно это поможет раствориться навсегда.

«Глоток, вдох, глоток, вдох», – даю себе указания.

– Интересная сумка, – низкий голос прерывает мой праздник жалостного женского одиночества.

– Что, простите? – спрашиваю, испуганно оглядываясь по сторонам, чтобы понять, обращается ли красивый незнакомец ко мне или к кому-то рядом.

– Ваша сумка. Из чего она? – интересуется он, кивком указывая на мой клатч, лежащий на барной стойке.

– Из пробкового дерева, – говорю, проверяя голос, и протягиваю ему сумку – пусть потрогает.

– Крутая.

– Не то чтобы, – отвечаю. – Из аутлета в городке Ли. Но все равно спасибо, – глупо произношу я. Вот досада: вечно уклоняюсь от комплимента. «Научись уже ограничиваться простым “спасибо”», – думаю.

– Я проезжал мимо этих магазинов сегодня на моем двухколесном, – говорит он.

– Должно быть, приличная велосипедная прогулка в гору.

– Нет, не на велосипеде, я имел в виду мотоцикл. У меня небольшой отпуск, просто исследую здешние места. Я Джек, – представляется он, протягивая мне руку. – А он – Дон, – это о невысоком лысеющем мужчине рядом с ним.

Они продолжают беседовать, и я присоединяюсь. Как местная, рекомендую им рестораны и туристические маршруты. Джек жестом указывает на мой почти пустой бокал и интересуется, что я пью. Отвечаю: «Маргариту», и он спрашивает, пробовала ли я когда-нибудь «кадиллак». Нет? Он подзывает бармена, просит принести два и записать на его счет. Бармен переводит взгляд на меня, слегка улыбается и кивает, как бы с облегчением, что у меня появился друг. Я сдерживаю смех. Мужчина покупает мне коктейль? Помнится, на моем последнем свидании я еще не достигла того возраста, в котором можно выпивать, так что пришлось пользоваться фальшивым удостоверением личности.

Дон рассказывает, что добирался сюда несколько часов, чтобы послушать сегодняшнее выступление, а потом уходит к жене и друзьям, оставив нас наедине. Джек подчеркивает, что в этой поездке на выходные он один: дочь проводит большую часть времени с парнем, оставляя отца в одиночестве, жена умерла много лет назад, и он только что расстался с другой женщиной. Я говорю, что разошлась с мужем и у меня трое детей. Разговор кажется таким сюрреалистичным, что я решаю следовать старому правилу: «Притворяйся, пока не добьешься своего» – и изо всех сил стараюсь выглядеть уравновешенной, уверенной в себе одинокой женщиной. Как будто пробуюсь на роль разведенки в субботнем загуле: вовсю кокетничаю, повожу обнаженным загорелым плечом в его сторону, изящно опускаю руку на барную стойку – ярко-розовые ногти на фоне темно-красного дерева. Наконец приглушают свет, и музыканты начинают заполнять небольшую сцену.

– С твоего места ничего не видно, – говорит он, и я встаю на барном стуле.

В этот момент мои наконец-то высохшие тугие, беспорядочные локоны, оставленные на произвол судьбы, касаются его лица, и он замечает:

– Твои волосы потрясающе пахнут.

Я литературный сноб, но здесь попадаю в ловушку сладкого романа в духе Даниэлы Стил.

Выступление отвратительное. Я бросаю взгляд на Джека: пожимаю плечами и строю гримасу. Он наклоняется к моему плечу и шепчет:

– Не могу поверить, что ради этого Дон проделал многочасовой путь.

К нам оборачивается мужчина с торсом полузащитника и укоризненно спрашивает Джека, играет ли тот на каком-нибудь инструменте.

Джек отвечает, что немного играет на гитаре, и мужчина говорит, что надеется, что когда-нибудь ему придется выступать на публике, чтобы люди издевались над ним, как мы – над этим исполнителем. Пристыженные, мы дослушиваем еще одну песню, затем Джек снова прижимается ко мне, чтобы спросить: «Будешь есть, если я закажу что-нибудь?» Теперь я понимаю, что мы в одной лодке, но не успеваю ответить: на нас снова шикают. Приличной девушке во мне хочется убежать, прежде чем снова попасть в передрагу. Я шепчу в ответ:

– Если голоден, могу показать тебе местечко, где можно вкусно поесть и поговорить без проблем на свою голову.

– Хорошо, – шепчет он. – Иди первой. Не забудь попрощаться с Доном. Встретимся через пару минут на улице. Так никто не заметит, что мы уходим вместе.

Хотя я не понимаю, кому какая разница, в этом есть что-то забавное, и подыгрываю ему. Позже буду задаваться вопросом, считал ли он, что это привычное для меня занятие и что я буду тронута его попыткой защитить мою репутацию в провинциальном городке. Дон удивлен моим ранним уходом, но я ссылаюсь на длинный день и выскальзываю наружу. На улице пустынно и сыро после дождя. Прислонившись к фонарному столбу, гадаю, выйдет ли Джек – может, он уже удирает с черного хода. Вдруг он пытается избавиться от меня, явной самозванки, чтобы закрутить с настоящей сексапильной разведенкой, которую приметил в толпе. Спустя несколько минут, в которые я чудом не воспламеняюсь от стыда, Джек внезапно вырастает рядом. Оставшись наедине, под стрекот сверчков мы застенчиво улыбаемся друг другу, и я веду его по грязным лужам в более оживленную часть города.

У входа в шумный гриль-бар он интересуется, буду ли я есть.

– Пожалуй, нет, – отвечаю. Есть я люблю, но только не сейчас, когда желудок на нервах выделяет акробатические трюки. – Я не голодна, но посижу с тобой.

– Один есть я не буду. Может, выпьешь что-нибудь? – говорит он.

– Нет, нельзя, – качаю я головой, и кудри подрагивают во влажном воздухе. – Мой лимит в два бокала исчерпан, я на машине, – почти уверена, что это идет вразрез со смелым, беззаботным образом, который пытаюсь создать, но практичная родительница берет верх.

Мы задумчиво разглядываем друг друга.

– С удовольствием посижу с тобой, пока ты ешь, – произношу, и вдогонку: – Но ты на самом деле так голоден? – сложно поверить, что эти слова сорвались с моих губ, но они ничто без укоризненного взгляда, который бросаю на него: ну давай же, насладись мной.

– Наверное, нет, – осторожно произносит он после небольшой паузы, видимо, чтобы разобраться со смыслом моих слов, и вдруг прижимается ко мне, целуя так сильно, что я впечатываюсь в кирпичную стену. Его губы, мягкие и полные, настойчиво надавливают на мои, и я отвечаю. Словно увядшее растение, которое только что полили, мгновенно оживаю. С такой страстью и вожделием меня не целовали чуть ли не с подросткового возраста. Я поражена. Как я жила без такой подзарядки?

Наконец оторвавшись от меня, он прерывисто произносит:

– Моя гостиница недалеко отсюда.

Я знаю эту гостиницу. Она немного обшарпанная и вроде бы не подходит для первого (или вообще любого) романтического свидания. Но я не настолько глупа, чтобы упускать такую, казалось бы, прекрасную возможность, поэтому киваю и улыбаюсь с притворной скромностью. Мы идем вверх по главной улице, и на каждом светофоре он целует меня – не просто целует, а высасывает из меня весь воздух, словно для того, чтобы продержаться еще один квартал, до следующего перекрестка. Молюсь, чтобы ни в одной из редких машин не было знакомых: даже если заметят, я уже не в силах сдерживать нарастающий восторг.

Свет в фойе гостиницы режет глаза. Цокая по кафельному полу, догадываюсь, за кого меня принимает портье, который с учительским видом сидит за стойкой. Хочется объяснить, но сейчас я в образе героини романа – оправдания не предусмотрены. Меня всегда сильно волновало мнение окружающих, даже тех, с которыми я вряд ли пересеклась бы снова. Но в этот момент осознаю: пора завязывать с этим беспокойством и просто жить своей жизнью. Важно, что сама о себе думаю. Возможно, не стоит тревожиться из-за мыслей людей, которые даже не знают моего имени.

Молча, в напряженном предвкушении, мы поднимаемся в лифте. Возня с электронной карточкой, и мы в номере с огромной кроватью. На столе лежит мотоциклетный шлем. Я отлучаюсь в ванную, закрываю дверь и пристально смотрю на себя в зеркало, тихо и коротко подбадривая: «Что бы ни случилось – смех, слезы, а может, и позор, – наплевать. Главное, убедишься,

что у тебя все работает». Все равно что выйти на пробежку и разносить новые кроссовки после того, как много лет не тренировалась. Ну да, долго не продержишься и натрешь ноги – и что? Он не местный, и ты больше никогда с ним не встретишься. Киваю в такт мыслям: «Да-да, все получится. Я разделаюсь с послебрачной невинностью, раз-два – и готово». Набравшись смелости, распахиваю дверь и выхожу, теперь в ванную идет он.

И вот, избавившись от одежды, стою голышом в номере незнакомца, ожидая его из ванной. Я не знаю правил игры и, поскольку последний час успешно изображала из себя уверенную одинокую женщину, твердо решаю продолжать представление. Показываю ему, к чему готова и чего хочу. Не пытаюсь притворяться, что мы здесь не для секса, а для чего-то другого. Это кажется мне единственным логичным шагом – но почему он, выйдя из ванной, застывает на расстоянии вытянутой руки и просто пялится? Разве он не должен с жадностью на меня наброситься? Может, не стоило вести себя так смело? Есть ли хоть один шанс, что земля развернется и поглотит меня прямо в этот момент, телепортировав с места, где я, кажется, облажалась?

– Это уже слишком? – наконец-то прерываю повисшее молчание. Звучит скромнее, чем я планировала. Глаза навекат, брови задраны – немного нелепо для женщины, только что беспардонно раздевшейся для мужчины, с которым знакома чуть больше часа.

К моему облегчению, он под стать мне – выпучив глаза и приподняв брови – произносит:

– Определенно не слишком, – подхватывает меня, словно невесту, и полукладывает-полубросает на постель.

Сказать, что все было словно во сне, – значит не сказать ничего. За двадцать семь лет, с почти что подросткового возраста, у меня был секс только с одним мужчиной, и я ожидала, что так продлится до конца моих дней. С первой ночи с Майклом я родила и выкормила грудью троих детей, со средним успехом боролась с законом гравитации и, откровенно говоря, состарилась. Я в ужасе от того, что обнаружит Джек, добравшись до моего тела. Он, со своими коктейлями «кадиллак», мотоциклом и презервативами в бумажнике, явно берет от жизни все. Я жду как минимум испуга, а то и жалости.

Он мигом спускается вниз, и я *немало* удивляюсь, слыша его шепот: «У тебя очень милая киска». Из меня вырывается звук (надеюсь, больше похожий на смех, чем на гогот), заставляющий его спросить, что здесь такого смешного. Во-первых, я не знала, что мужчины используют это слово не только в неприличных разговорах с друзьями. Во-вторых, он правда считает, что со мной это сработает? Неужели я должна поверить, что одна так называемая киска среднего возраста сильно отличается от другой? Но воспитанная девушка во мне спешит извиниться:

– Нет, совсем не смешно, прости, мило с твоей стороны. Просто я удивилась. Раньше мне не говорили ничего подобного.

– Серьезно? – спрашивает он. – Совсем никто? Ни за что не поверю.

– Клянусь, – настаиваю. – Разве они не выглядят все одинаково? Я имею в виду, более или менее одинаково.

– Нет, совсем нет. Они все очень разные, с разным запахом и вкусом. Разве ты никогда не разглядывала ее поближе и не замечала, какая она хорошенькая?

– Хм, нет, ни разу, – отвечаю, вспоминая, что последний раз видела ее семь лет назад, когда рожала Джорджию и случайно бросила взгляд в зеркало. – Но я заинтригована.

Я на самом деле заинтригована и делаю себе пометку в голове: надо исследовать ее попозже и выяснить, что он в ней нашел. Мне еще столькому предстоит научиться.

– Пожалуйста, будь нежнее, – говорю, не решаясь рассказать всю правду. – Должна признаться, это мой первый секс после расставания с мужем. И я волнуюсь.

Невозмутимость испаряется, несмотря на все мои усилия. Я здесь и настроена решительно, но больше не могу прикидываться, что мне не страшно. Мысль, что другой мужчина, не мой муж, окажется внутри, просто ужасает меня.

– Я понимаю, все в порядке. Это тоже мой первый раз после расставания с девушкой. И я обещал себе, что в этой поездке не стану связываться с женщиной, – отвечает он. Я испытываю облегчение, оттого что он делится своими сомнениями, впечатлена и благодарна, что он не отделяется от меня из-за моей уязвимости, а, наоборот, остается рядом.

Через несколько секунд я – само противоречие – говорю ему, что на самом деле хочу, чтобы меня трахнули. Таких слов я раньше не употребляла. Для меня «трахнуть» означало нечто вульгарное, лишённое любви, тепла и близости, как будто из тебя что-то по-деловому выбивают. Я была вполне уверена, что это точно не про меня. Впрочем, «заниматься любовью» – тоже не мое. Пошлая фраза из любовных песенок семидесятых: под закатным солнцем парочка истекает слащавой нежностью – нет, только не это. Так что и любовью я вряд ли занималась. У меня просто был секс – самое безопасное и банальное слово, что я могла подобрать. Немного медицинское, без всяких эмоций, будь то любовь или грубость. Золотая середина.

Он слегка колеблется:

– Сначала ты просишь быть нежнее, а потом – трахнуть тебя. Я запутался, чего тебе хочется.

– Тебя и себя, – отвечаю, стараясь показаться раскрепощенной, вернуть напускную смелость, которую испытывала еще несколько минут назад, пока раздевалась. – Может, ты просто продолжишь без моих наставлений, и я дам тебе знать, если это будет слишком?

На мгновение задумываюсь, что совсем не знаю этого человека и никому не известно, что я здесь. Я даже не уверена, что его на самом деле зовут Джек. Волновалась, как все пройдет и в каком состоянии то, что он называет «киской», и даже не задумалась, кто этот незнакомец. Может, он заманивает женщин, прикидываясь вдовцом. Но против своих правил отважно бросаюсь в омут. Если не начну грести, мне конец. Хотя я и лишилась девственности тридцать лет назад, этот опыт удивительно напоминает мне о том моменте. Не хватает лишь переживаний, что об этом узнают мои родители, чья спальня расположена в двух пролетах выше подвального помещения, и ворсистой шерсти клетчатого дивана.

Близость с Джеком удивляет в самом лучшем смысле: весело, чувственно, даже восхичительно. Отдать контроль и не навязывать отметку на шкале между «заниматься любовью» и «трахаться» – оказывается, это очень бодрит. Он не знает меня, поэтому у него нет ни малейших ожиданий от моего тела. Это позволяет мне быть кем захочу в сексуальном плане. Я переживала, что мне будет не хватать Майкла и первое свидание окажется отравленным болью. Но, перестав копаться в себе и размышлять, в кого превращусь без одежды, я освобождаюсь от сексуальной идентичности, усвоенной за почти тридцать лет замужества.

Поднявшись по моему телу, Джек кладет одну руку мне на живот, а другую протягивает вверх, чтобы нежно накрыть ладонью сосок. Прикосновение к животу – именно оно воспринимается как сокровенное. Хотя меня всегда возбуждали ласки частей тела, предназначенных для секса, его внимание к, казалось бы, обычным местам – икрам, бедрам, животу – приводит меня в настоящий восторг.

– Ты в отличной форме, – говорит он. – И не поверишь, что у тебя трое детей.

– Спасибо, – говорю я. – Но они и правда все мои. В доказательство у меня есть растяжки и обвисшая кожа. – И тут же сожалею о сказанном: «Научись ограничиваться простым “спасибо”», – повторяю про себя уже второй раз за вечер. Если он не замечает, что я утратила упругость, не нужно самой указывать на это.

Он игриво сжимает мои руки, восхищаясь мышцами. От этих комплиментов я пылаю. Он не называет меня ни упругой, ни пышной – слова, которые ассоциируются у меня с сексапильностью, – а просто говорит, что я сильная. Знаю, что никто не может надеть другого человека силой, ее не подделать. Значит, это качество – полностью моя заслуга. Так вот чего мне хочется: быть немного дрянной девчонкой, немного непредсказуемой, но желающей и способной позаботиться о себе.

Он тянется за презервативом, который заранее положил на тумбочку, но я ловлю его за руку и прошу подождать.

Переворачиваюсь так, что оказываюсь верхом на нем, и кладу руки на его обнаженную мускулистую грудь. На ощупь кожа мягкая и гладкая, без единого волоска. Указательным пальцем провожу по татуировке на левом бицепсе. Большая птица размером с мой кулак, под ней надпись на латыни.

– Что здесь написано? – спрашиваю.

– Долгая история. Я сделал ее во время службы в армии, давным-давно, – говорит он.

Мои бедра скользят назад, и я оказываюсь на коленях, меж его ног. На миг останавливаюсь, чтобы полностью овладеть тем, что находится передо мной: у него эрекция, лобок совсем без волос. Я задумываюсь над своим недавним вопросом о том, что отличает одну киску от другой, и поражаюсь, насколько его член отличается от того, к которому я привыкла. Двадцать семь лет я видела только пенис мужа, и, к моему удивлению, он сильно отличается от того, что у меня перед глазами, – только вот чем именно? Неожиданно понимаю, что я не смогла бы адекватно описать член Майкла, даже если бы очень постаралась. Когда я в последний раз разглядывала его внимательно? И когда в последний раз я с вождением (или хотя бы с полнейшей скукой) обхватывала его губами?

Я поглаживаю его яички – без волос они приятные, словно кожа младенца. Осторожно провожу по ним языком, он же хватает меня за волосы и стонет. Я скольжу обратно, прижимаюсь к нему и сама тянусь за презервативом, надрываю обертку и помогаю натянуть. Я была уверена, что презервативы радикально изменились за тридцать лет с момента, когда последний раз пользовалась ими, но нет: первое, что я ощущаю, когда он входит в меня, – нечто искусственное и липкое вместо теплой, мягкой кожи. Следом замечаю, что глубоко во мне этот мужчина – не мой муж – и я до сих пор в полной исправности.

Мы проводим в постели еще несколько часов, одаривая друг друга ласками и поцелуями, разговаривая между делом. Что бы ни думала об «этом», я доказываю себе, что, возможно, во мне оно еще сохранилось. Я ожидала слез, ностальгии по тому, как это было с Майклом, который так хорошо знал, что мне нравится и не нравится в постели. Оказывается, я эксперт по достижению оргазма, чего не удается многим женщинам, – так утверждает Джек, хотя выборка у него явно ограниченная. Я была уверена в разладе со своей сексуальностью, но выяснилось, что понимаю реакции тела и мне нравятся физические ощущения, возникающие во время секса. Да, я занималась им несколько десятилетий, но с одним и тем же мужчиной, когда за тонкой стеной спали дети. Но вот он, секс, который я помню с юности, – хищный, влажный, захватывающий. От него так и захватывает дух, а после хочется еще и еще. Теперь мне ничто не мешает создать себя новую любым способом, каким только пожелаю, и отбросить ту сексуальность, в жесткие рамки которой я когда-то себя загнала.

Честно говоря, Майкл совсем не виноват в том, что наша сексуальная жизнь стала скучной и однообразной. Он всегда был страстным любовником и мигом воспламенялся, когда я ему отвечала. Сложно сказать, перестал ли он привлекать меня или я сама перестала привлекать себя рядом с ним. Единственное, в чем я уверена, так это в том, *что* сейчас во мне оживло: не просто возбуждение, но и сексуальное любопытство. Я всегда давилась, делая минет. Но что, если теперь он мне нравится? Я всегда была тихой в постели. Но что, если теперь я готова шуметь? Казалось, передо мной столько разных удивительных возможностей, открывших мне то, чего я давно не испытывала, – страсть.

Джек просит меня солгать и пообещать, что останусь на всю ночь.

– Я не могу остаться, – отвечаю. – Мне нужно домой.

– Знаю, – говорит он. – Поэтому и попросил соврать мне.

Так и делаю, заверив, что не уйду от него всю ночь, и одиночество, скрытое за его просьбой, наполняет меня глубокой печалью, но одновременно и нежностью из-за незащищенности,

которую он обнажил передо мной. Он смешит меня своим рассказом о том, что, когда я вышла из бара, чтобы дождаться его снаружи, Дон удивился моему уходу: он был уверен, что Джеку со мной «повезет». Так что наш план сработал – моя репутация осталась незапятнанной. Джек считает меня красивой, сексуальной и отважной, и хотя ему видна моя еще не затянувшаяся рана, он уверен, что однажды у меня все будет более чем хорошо. От его слов у меня захватывает дух. Незнакомец, которому удалось увидеть меня так близко, как это удавалось только мужу, сопереживает и придает мне уверенности в себе – это заряжает меня оптимизмом, в котором я отчаянно нуждаюсь, сама о том не подозревая. Я считала, что прекрасно справляюсь с ролью беспечной, раскованной, почти разведенной женщины, но сквозь поверхностные слои он рассмотрел мою сущность, где скрывается скорбь, рассмотрел и не испугался.

Уже далеко за полночь, и мы начинаем отключаться в объятиях друг друга. Я шепчу, что мне пора домой, и прошу проводить меня до машины – она стоит в нескольких кварталах отсюда в притихшем городе. Без единого слова мы натягиваем одежду, словно облачаемся в броню, которая с каждым слоем становится все толще. Я задумываюсь: будет ли секс со всеми мужчинами, не с Майклом, всегда таким глубоко сокровенным? Или нам с Джеком всего лишь повезло найти родственную душу и разглядеть друг друга, заведомо зная, что это будет секс на одну ночь?

Как только мы выходим из гостиницы, заряжает дождь, и Джек предлагает сбегать наверх за зонтом. Я отказываюсь: теперь, когда мы одеты и готовы к привычным делам, мне не терпится уйти. Мы резво идем в полной тишине.

– Ничего себе, как быстро ты ходишь! Ни одной женщине не удавалось шагать в моем темпе, тем более на каблуках и под дождем, – говорит он.

– Я все-таки горожанка, – замечаю. Как мало он знает обо мне кроме моего тела и основных фактов жизни.

Добравшись до машины, предлагаю подвезти его до гостиницы. Садясь за руль, вскользь осматриваю пассажирское сиденье, которое хранит следы поездки с Джорджией: пакет с крекерами-рыбками, обертки от мюсли-батончиков, кулек с вишневыми косточками. А вот и разоблачения: на самом деле я хлопотливая домохозяйка и заботливая мамочка. Как это сочетается с женщиной, которая несколько часов назад сбросила с себя одежду и практически умоляла совратить ее?

Подъехав к гостинице, под сильным, немилосердно ярким светом поворачиваюсь к нему и робко говорю:

– Ну, спасибо. Было приятно познакомиться.

– Да, мне тоже очень приятно. Может, столкнусь с тобой в выходной, когда снова заеду сюда, – отвечает он. Он не пытается узнать мой номер, а я – его. Через пару секунд выезжаю с парковки и мчусь к себе.

Меня не было всего семь часов, но я возвращаюсь домой совсем другой женщиной.

* * *

Наутро просыпаюсь в недоумении. В памяти всплывают ночные события, но теперь они кажутся нереальными. Чувствую себя так, будто пережила удар молнии. Прохожусь взглядом по обнаженному телу, кладу руку на сердце. Все выглядит так же, как и сутки назад: темный загар с пляжей Нантакета, округлившийся животик, груди, стекающие каждая в свою сторону. Я уже не настолько подтянутая и бодрая, как на заре моей сексуальной жизни. Бока утратили плотный молодой жирок и стали одновременно и тверже, и мягче – сказываются закон гравитации, роды и возраст. Рассматриваю себя – каждую веснушку, прожилку, шрам и волосок. К лучшему или к худшему, это тело мое, и я могу делать с ним все что захочу. Это новое знание и освобождает, и сковывает. В хорошие дни я бывала в ступоре, в плохие – в депрессии, и

так месяц за месяцем. Но сейчас замечаю проблеск возвращения к жизни. Это и физическое ощущение, и внезапное осознание себя как личности. Цельной личности, а не только матери, жены или покинутой возлюбленной. Все они есть во мне, но я сама – гораздо больше. Это напоминает встречу со старым приятелем. Преисполненная благодарности, предвкушаю, что ждет меня впереди.

Уверена, что несколько часов назад Джек умчался на своем мотоцикле, но все равно запрыгиваю в машину и возвращаюсь в город. Кажется невозможным, что человек, выдернувший меня из долгого глубокого оцепенения, – всего в десяти минутах езды отсюда. Въезжаю на опустевшую парковку отеля. Компания, проводившая в городе выходные, уехала. На месте, где стоял мотоцикл, теперь один раскаленный бетон. Я разом испытываю разочарование и облегчение: не знаю, что сделала бы при встрече с ним, я просто хотела убедиться, что он и правда существовал. Вздохнув, еду домой – к очередному летнему дню, к дочери и человеку, который все еще мой муж.

Глава 3. В поисках мужчины, повсюду

В понедельник мне кажется, что субботнее секс-приключение с тем же успехом могло случиться в другой жизни. Зато подруги наверняка придут в восторг: они столько месяцев видели меня глубоко печальной. По очереди обзваниваю их и без усталости хвастаюсь своей великой победой – от решения нарядиться и выбраться куда-нибудь до выезда с парковки и возвращения домой. Мне приятно об этом рассказывать: настоящая история успеха вместо привычного нытья. Подруги слушают благодарно: требуют подробностей, ахают в нужный момент и восхищаются моей смелостью. Разговор с Тиной в фейсстайме – полный триумф. Я сообщаю, что не просто надела по ее совету то самое платье и пошла флиртовать, но еще и переспала с незнакомцем. Сидя у костра на пляже, Тина с мужем в ответ кричат: «Мазл тов! – и, сияя от гордости, поднимают за меня бокалы с мартини. – Мы знали, что у тебя получится, мамочка». Можно подумать, я только что осуществила мечту всей жизни.

Радость друзей трогает. Хотя мой путь внезапно и резко вильнул в сторону, они не осуждают меня и не забрасывают оценочными суждениями. В самом начале разлада с Майклом я объявила, что с большой вероятностью мы снова сойдемся, так что при мне не стоит высказываться о нем негативно. Кэтрин попросила ее сориентировать: «Ты только скажи, чего хочешь – уйти от него или остаться, и я найду для этого весомую причину». Маре я сообщила новости в «Старбаксе» – кажется, ради меня она пропустила важную встречу. Она немедленно заверила: если я приму Майкла обратно, сама Мара и другие подруги меня поддержат. Жаклин прислушалась к моей просьбе не отзываться о нем плохо, но продолжила строчить ему гневные сообщения: как он только посмел причинить мне боль! Часы напролет мы сидели в гостиной Джессики вместе с Джен и Лорен: подруги слушали, задавали вопросы и держали меня за руку. Если я злилась на Майкла, они поддакивали, но в остальном проявляли сдержанность, и я видела, как их губы сурово сжимаются в ниточку. Джоанна и Стефен сводили меня и детей в наш любимый ресторан с димсамами. Стефен поинтересовался, стало ли мне лучше на безуглеводной диете, на которую я села за пару недель до крушения брака. Бросив на него недоуменный взгляд, я ошеломленно переспросила: «Стало ли мне лучше?» – и мы оба хохотали до слез, до того абсурдно прозвучал вопрос. Джули, жившая в Чикаго, каждый день слала мне сообщения с милыми эмодзи, извиняясь, что не может быть рядом, но постоянно напоминая, что думает обо мне.

Я ощущала вибрации их любви и восхищалась тем, что друзья приняли мое горевание как есть, не вмешиваясь. Они предлагали мне утешение, объятия и бумажные салфетки, а не советы, понимая, что я сама должна разобраться. Теперь, когда делюсь с ними своей дерзкой историей, они изящно меняют курс: поддерживают, восторгаются тем, что я так быстро вышла из парализующего ступора, осыпают похвалами за храбрость. Они шутят, что я каким-то чудом рванула вперед, что трагедия моего падения, а затем восторг подъема – это сюрприз и волшебство одновременно, и этому позавидовал бы кто угодно, только не друзья – ведь они так сильно меня любят. Несмотря на это, я прекрасно осознаю, что моя реальная обыденная жизнь идет своим чередом и в настоящий момент она довольно невзрачная. Я все еще злюсь на Майкла, нежна с Джорджией и в равной степени напугана еще недавно ясным будущим, которое теперь окутано туманом и жалким одиночеством. После дерзкого субботнего полета я приземлилась на свой маленький клочок земли и уверена, что это все было лишь случайностью и, скорее всего, больше со мной не повторится.

* * *

К среде молниеносный ночной полет только подчеркивает нынешнее падение: я вернулась к рутине материнства и жалею себя куда больше, чем чуть-чуть. Какая глупость – рассчитывать, что Джек станет № 1 из длинного списка мужчин в моей постели. Спускаясь с высоты первого за бог знает какое время оргазма, легко было искриться надеждой на счастье. Теперь же, в глухой повседневности, я чувствую себя брошенной и Майклом, и собственным пробудившимся «я».

Мы с Джорджией гуляем по рынку – это часть фермы, куда дочка ходит в дневной лагерь. Мы заглядываем сюда каждый день, чтобы вдохнуть аромат свежееиспеченного хлеба и побаловать себя мороженым. У салат-бара замечаю мужчину, вроде бы знакомого. Он успеваешь поймать мой взгляд и вернуть его, пока мы соображаем, знаем ли друг друга. Он старше меня лет на десять: козлиная бородка с проседью, вокруг глаз глубокие морщины, из-под коротких рукавов футболки видны татуировки. Прищуриваюсь, пытаюсь вспомнить его, но приходится последовать за Джорджией, которая несется напрямиком к салат-бару, навстречу незнакомцу.

– О, Джонни! – громко восклицаю я. Какое облегчение: наконец-то вспомнила.

– Привет, Лора, я так и думал, что это ты. Сколько лет, сколько зим.

Мы тепло улыбаемся и слегка обнимаемся. Много лет назад, когда мы с Майклом затеяли в доме ремонт, Джонни был подрядчиком. Работал у нас несколько недель, а однажды явился часов в девять вечера. Из окна его пикапа выглядывала немецкая овчарка. Он объяснил, что хочет посмотреть на наружное освещение после наступления темноты, поэтому мы включили фонари и стояли на улице, пока мой сын играл с собакой, бросая ей палку. Я подозревала, что он равнодушен ко мне, ночной визит казался странным. К тому же он часто задерживался чуть дольше, чем нужно, просто чтобы поболтать со мной. Теперь Джонни удивляется, как выросла Джорджия, и сообщает, что работает неподалеку. На мой вопрос о его делах качает головой и признается, что год был ужасный: он чуть не разбился на мотоцикле, а придя в себя, узнал, что у него рак легких. За этим последовали операция, лечение и тяжелое восстановление.

– Ужасный год, очень тебе сочувствую. У тебя здоровый вид, хоть ты и похудел – наверное, поэтому я не сразу тебя узнала. Но ты сильный. Не сомневаюсь, что скоро снова придешь в форму.

– Конечно, Лора, мне с каждым днем становится лучше и я набираюсь сил. Бог благодарен, и я благодарен ему за это. Как ты? Как Майкл?

– У меня тоже был тяжелый год. Пытаюсь встать на ноги. Мы с Майклом разошлись, – тихо произношу, бросая взгляд на Джорджию, которая рассматривает салат-бар в метре от нас. В горле мгновенно встает ком. Знаю, что под его сострадающим взглядом могу расплакаться. Надо просто обняться на прощание и сказать, что мне пора.

– Ничего себе, я в шоке. Прости, даже не знаю, что сказать. Если когда-нибудь захочешь поговорить или понадобится поддержка, я неплохой слушатель.

Я благодарю его и даю свой номер телефона, предлагая как-нибудь созвониться. Джорджия уже тянет меня к витрине холодильника, и Джонни уходит.

Через четверть часа мы с Джорджией спешим на занятия по гимнастике, и вдруг – сообщение от Джонни: «Мне жаль, что так вышло с Майклом. Вы казались мне такой крепкой парой. Меньше всего ожидал подобного. Знаю, ты справишься, но сейчас тебе, должно быть, трудно».

Отвечаю, что мне и правда трудно. Слово за слово, и мы договариваемся выпить по стаканчику в ближайшее воскресенье, после того как я отвезу Джорджию в лагерь с ночевкой.

* * *

В субботу мы с Джорджией возвращаемся от моих родителей – перед отъездом она подробно проинструктировала их, что ей прислать. Теперь дочка спрашивает, можем ли поужинать вместе: она, я и папа.

Такая простая просьба. Ужасно злюсь на себя, что не могу ее выполнить, и на Майкла, который поставил нас в такое положение.

– Мне очень жаль, милая. Мы с папой пока не можем это сделать. Мы очень обижены друг на друга. Нам нужно время, чтобы успокоиться и продолжить жить. Мы очень стараемся простить друг друга, но придется чуточку подождать.

– Кто виноват, что вы злитесь друг на друга? – спрашивает она.

– Оба, – отвечаю. Неприятно брать на себя ответственность за ситуацию, но хочется, чтобы у нее были здоровые отношения с нами обоими, и ради этого я готова скрывать правду. – Я всегда говорила, что танго танцуют двое, помнишь? В отношениях не бывает виноват кто-то один. В ответе всегда оба.

– Понятно, – бормочет она так тихо, что разбивает мне сердце.

– Обещать, что мы с папой останемся вместе, я не могу. Но обещаю: когда-нибудь все непременно наладится. Я всегда буду твоей мамой, а папа всегда будет твоим папой, и мы всегда будем любить тебя, Дейзи и Хадсона больше всех на свете. Это никогда не изменится, и неважно, живем мы вместе или порознь.

Джорджия молчит. Хорошо, что я за рулем, а дочка на заднем сиденье: она не видит моих слез, а я – ее.

– Всё в порядке? – спрашиваю и понимаю, что жду от нее заверений в том, что она справится с нашим расставанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.